

Н. Н. Трошин

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА И ВТОРАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1914–1917 гг. В ЗЕРКАЛЕ ФИНАНСОВ

В 2014 г. мы отметили не только 175-летие Бородинского военно-исторического музея-заповедника и 200-летие окончания заграничного похода русской армии, который стал логичным завершением Отечественной войны 1812 года, но и 100-летие с начала Первой мировой войны. По своему характеру эта война не была империалистической, как утверждалось в советской историографии. Русской армии в 1914 г. пришлось сражаться за свободу и независимость своего отечества, так что современниками она воспринималась именно как Вторая Отечественная война. В этой связи возникают отчетливые параллели, которые можно провести с точки зрения финансового обеспечения этих войн.

23 июля 1914 г.¹ Николай II подписал указ², которым временно приостанавливался размен кредитных билетов на золото. Кроме того, с 300 до 1 500 млн руб. увеличивалось эмиссионное право Государственного банка. Ему же поручалось учитывать краткосрочные облигации, которые могло выпускать Государственное казначейство «в размере, вызываемом потребностями военного времени». В результате правительство получило возможность быстро мобилизовать необходимые ему для финансирования военных действий денежные средства, заняв их в Государственном банке под обеспечение будущих налоговых поступлений.

Впервые в России идея выпустить краткосрочные облигации «для безостановочного удовлетворения чрезвычайных воинских расходов» была высказана именно в 1812 г. министром финансов Д. А. Гурьевым. Его предложение получило одобрение Комитета министров и 9 апреля 1812 г. Александр I подписал соответствующий указ. Одновременно с этим был подписан манифест о единообразном хождении ассигнаций, которым они признавались в качестве законного платежного средства.

В отечественной литературе принятие манифеста от 9 апреля 1812 г. обычно трактуется как отказ от продолжения финансовых реформ, которые осуществлялись в России с 1810 г. и предполагали восстановление свободного размена ассигнаций на серебро. В действительности указанный манифест нельзя рассматривать отдельно от указа о выпуске казначейских облигаций. Как показывает обсуждение этого вопроса в Комитете министров, придание ассигнациям статуса законного средства платежа имело целью поддержать их хождение в пограничных губерниях, где ассигнации практически не использовались, и тем самым обеспечить успешный выпуск казначейских облигаций. Таким образом, как и в 1914 г., речь шла о временной мере в области денежного обращения, призванной облегчить правительству финансирование военных расходов за счет использования краткосрочных облигаций.

Механизм этого финансирования в начале XIX в., разумеется, существенно отличался от того, который имел место в годы Второй Отечественной войны. К 1812 г. в России еще не было накоплено достаточно опыта размещения государственных ценных бумаг, поэтому предполагалось, что облигации будут использоваться фактически как еще одно средство платежа. В начале XX в. ситуация изменилась и краткосрочные обязательства казначейства действительно были формой государственного кредита. Тем не менее в обоих случаях сохранялись риски того, что при определенных условиях эмиссия этих облигаций может спровоцировать резкое увеличение предложения денег, которое приведет к их обесценению, или, говоря современным языком, вызовет инфляцию.

На такую возможность указывал еще Н. С. Мордвинов. В проектировавшихся министром финансов Д. А. Гурьевым казначейских облигациях он увидел не столько форму займа денег со стороны правительства, сколько своего рода новые бумажные деньги и считал, что их учреждение опаснее 500-тысячной армии Наполеона, стоявшей на границе с Россией. Поэтому в знак протеста против одобрения Государственным советом проекта выпуска облигаций 17 марта 1812 г. Н. С. Мордвинов подал в отставку с поста председателя Департамента государственной экономии. Разъясняя позднее в письме Александру I свою позицию, он утверждал, что предложенные облигации списаны «с мандатов поземельных (mandates territoriaux), существовавших во Франции несколько месяцев... и давших последний смертельный удар финансам», в результате которого правительство должно было признать себя банкротом³.

Эти замечания Н. С. Мордвинова не остались без внимания. В указе от 9 апреля 1812 г. объем эмиссии казначейских облигаций был ограничен до-

вольно скромной суммой в 6–10 млн руб., а сфера их обращения очерчена достаточно узко. Они могли использоваться исключительно для расчетов за вещи, поставленные «наряды от земли или военными требованиями» с губерний, объявленных на военном положении. Иное применение казначейских облигаций не допускалось⁴.

Таким образом, их реализация была поставлена в прямую зависимость от организации раскладки поставок всего необходимого для армии на местных жителей в пограничных губерниях. Однако, по словам генерал-интенданта русской армии Е. Ф. Канкрин, с учреждением в Вильно Главного комитета военных потребностей, начатое было дело «разлилось в бесплодное письмоводство». В результате сумма выпущенных в обращение казначейских облигаций оказалась незначительной.

В 1812 г. армейские кассы, как свидетельствуют балансы, составленные интендантским управлением уже после завершения войны, получили облигаций казначейства на сумму 8,75 млн руб., из которых одна 500-рублевая облигация была утеряна и заменена наличными ассигнациями. В то же время было возвращено облигаций в Министерство финансов на сумму 2,75 млн руб. В 1813 г. в кассы интендантского управления армии поступило еще облигаций на 3,2 млн руб., тогда как было возвращено на 9 130 500 руб. Всего, следовательно, Министерство финансов заготовило облигаций на 9,2 млн руб., из которых полевое интендантское управление использовало для расчетов только 69 тыс.⁵

Таким образом, попытка применения краткосрочных облигаций в 1812 г. закончилась практически полным провалом. Напротив, в годы Второй Отечественной войны краткосрочные обязательства Государственного казначейства стали для правительства одним из основных источников финансирования военных действий. За пять месяцев 1914 г. их было выпущено на 800 млн руб. по номиналу⁶. В 1915 г. чистый объем эмиссии краткосрочных обязательств (т.е. за вычетом выпущенных в счет погашения тех, у которых истек срок обращения) составил уже 3,2 млрд руб., а в 1916 г. он увеличился до 5,8 млрд руб.⁷

Лишь относительно небольшая часть этих облигаций была размещена на открытом рынке. Более 80% их выпуска как в 1914 г., так и в 1915 г. в конечном итоге была учтена Государственным банком который выпустил взамен необеспеченные золотом кредитные билеты. С начала 1916 г. минимальный номинал краткосрочных обязательств казначейства был снижен с 5 до 1 тыс. руб. Наряду с некоторыми другими мерами, принятыми правительством, это способствовало значительно более успешному размещению их на открытом рынке. К октябрю 1916 г. доля учтенных Государ-

ственным банком краткосрочных обязательств казначейства сократилась до 60%. Впрочем, в конце года она вновь поднялась до 70%.

Непрерывный рост остатков краткосрочных обязательств на счетах в Государственном банке означал, что в обращение поступало все большее количество бумажных денег. К 1 января 1915 г. Государственным банком было учтено краткосрочных обязательств казначейства на 656 млн руб., а объем эмиссии кредитных билетов за пять последних месяцев 1914 г. составил 625,5 млн руб. К 1 января 1916 г. объем учтенных краткосрочных обязательств увеличился до 3,3 млрд руб., т.е. на 2,6 млрд. руб., а количество кредитных билетов в обращении – на 2,7 млрд руб. К 1 января 1917 г. Государственный банк учел краткосрочных обязательств на 6,9 млрд руб., в результате чего задолженность Государственного казначейства банку выросла на 3,6 млрд. руб. Эмиссия кредитных билетов в 1916 г. составила 3,5 млрд руб.⁸ Иными словами, правительство финансировало военные расходы не столько за счет заемных средств, сколько путем бумажно-денежной эмиссии. Таким образом, то, чего Н. С. Мордвинов так опасался в 1812 г., реализовалось, к сожалению, в 1914–1916 гг.

В 1812 г., учитывая, что военное положение в приграничных губерниях было объявлено еще 16 апреля, правительству довольно долго удавалось финансировать военные расходы, не прибегая к выпуску бумажных денег (ассигнаций). Лишь 18 сентября 1812 г. Александр I подписал указ о заимствовании в Ассигнационном банке 100 млн руб., из которых в 1812 г. было использовано лишь 68 млн руб. (остальные средства поступили уже в следующем году). Однако фактическая эмиссия ассигнаций в 1812 г. была даже меньше – 64,5 млн руб.⁹

Во многом это стало результатом того, что накануне Отечественной войны 1812 года были приняты меры к увеличению доходов государственного бюджета. В результате проведенных реформ налоговые поступления за два года выросли на 83%, увеличившись со 117 млн руб. в 1809 г. до 215 млн руб. в 1811 г. Более того, в самом начале 1812 г. налоги были в очередной раз повышены, причем впервые ими были обложены доходы с помещичьих имений. В результате, несмотря на то что война шла на территории России и часть ее, хотя и относительно небольшая, была оккупирована неприятелем, поступления от налогов и сборов в 1812 г. не только не сократились, но выросли на 3,3% по сравнению с 1811 г. до 222 млн руб.¹⁰

Но даже этих средств оказалось недостаточно, и правительство было вынуждено осуществлять снабжение действующих армий провиантом и фуражом по большей части за счет прямых изъятий (реквизиций) у населения. Формально реквизиции, за которые военными должны были выда-

ваться квитанции, можно рассматривать как форму займа. Однако во многих случаях они носили принудительный и, что более важно, фактически безвозвратный характер, так что правильнее считать эти реквизиции натуральным налогом.

К этому надо добавить, что правительство активно побуждало дворянство и другие сословия к разнообразным пожертвованиям на военные нужды и даже прямо перекладывало на них обязанности по обмундированию и продовольствию отдельных частей армии и ополчения. По весьма умеренному подсчету, сделанному министром финансов Д. А. Гурьевым, за счет реквизиций, пожертвований и других «пособий» со стороны населения было профинансировано военных расходов на сумму до 200 млн руб.¹¹

В 1914 г. события развивались по другому и в известной степени даже парадоксальному сценарию.

Основной статьёй доходов бюджета в предвоенные годы были поступления от государственной монополии на продажу спиртных напитков, на которую приходилось 26% всех обыкновенных доходов (899,3 млн руб. в 1913 г.). Еще 1,5% доходов давали акцизные сборы с продажи вина и водки (53,7 млн руб.). В то же время доля прямых налогов в доходах бюджета составляла менее 8% (272,5 млн руб.)¹².

Такая структура доходной части бюджета явилась основанием для того, чтобы его стали именовать «пьяным». Особенно усердствовала в этом оппозиция, обвинявшая министра финансов В. П. Коковцова в спаивании народа ради увеличения доходов казны. Желая, видимо, сплотить власть и общество перед надвигавшейся угрозой войны, Николай II согласился уволить В. П. Коковцова, который в свое время успешно преодолел финансовые проблемы, вызванные неудачной русско-японской войной и последовавшим за ней революционным подъемом. Вместо него 30 января 1914 г. новым министром финансов был назначен П. Л. Барк. Во время состоявшейся 26 января 1914 г. аудиенции у Николая II будущий министр заявил, что настала пора изменить финансовую систему. «Нельзя строить благополучие казны на продаже водки... необходимо ввести возможно скорее подоходный налог и принять все меры для сокращения потребления водки»¹³.

Здесь также можно провести параллель с Отечественной войной 1812 года. Стремясь преодолеть разногласия с большинством дворянства, возникшие после подписания в Тильзите договора с Наполеоном, Александр I предпринял ряд шагов навстречу оппозиции. В частности, 17 марта 1812 г. он уволил со всех постов М. М. Сперанского, вызывавшего наибольшее раздражение оппозиционного дворянства, и даже отправил его в ссылку. А уже 20 марта Д. А. Гурьев представил докладную записку о необходимо-

сти общего пересмотра всех мер, принятых с начала 1810 г. в ходе реализации подготовленного под руководством М. М. Сперанского «плана финансов»¹⁴. Формально Александр I с этим согласился, дав соответствующий указ Государственному совету. Однако на практике попытки Д. А. Гурьева добиться отмены ряда налогов, которые, по его мнению, «стесняли частную промышленность», не получили поддержки.

Казалось, что в 1914 г. увольнение В. П. Коковцева также не скажется на финансовой политике правительства. Во всяком случае, никаких реальных перемен в первые месяцы министерства П. Л. Барка не произошло. Тем не менее, когда началась война, государственная торговля спиртными напитками была неожиданно для многих прекращена.

Первоначально речь шла о необходимости поддержания общественного порядка на период проведения массовой мобилизации, и ограничения вводились только до 15 августа 1914 г. Затем они были продлены до 1 сентября 1914 г., но уже 22 августа Николай II повелел полностью запретить продажу спирта, вина и водки до окончания войны. Фактически речь шла о введении в России «сухого закона». В результате в 1914 г. только из-за отмены казенной продажи спиртных напитков бюджет недополучил 395,4 млн руб. доходов. Всего же доходы бюджета в 1914 г. оказались меньше, чем в 1913 г., на 519,2 млн руб. (сказалось также снижение поступлений от таможенных пошлин и железнодорожных перевозок)¹⁵.

Компенсировать сокращение доходной части бюджета министр финансов П. Л. Барк пытался путем увеличения поступлений по другим статьям. В 1915 г. за счет повышения ставок действовавших налогов и сборов, а также введения ряда дополнительных налогов, например, на телефоны, бюджетные поступления удалось увеличить на 423,3 млн руб. Но этого оказалось недостаточно, чтобы перекрыть сокращение доходов бюджета на 473,2 млн руб. из-за полного прекращения продажи государством спиртных напитков. В целом доходы бюджета в 1915 г. уменьшились на 70,4 млн руб. по сравнению с 1914 г.¹⁶

Казалось бы, ситуация изменилась в 1916 г., когда поступление доходов резко возросло. По сравнению с 1915 г. они увеличились на 1 146,8 млн руб.¹⁷ Однако в значительной степени это было вызвано инфляционными процессами, которые начали раскручиваться в экономике. В результате дефицит бюджета не только не сократился, но продолжил увеличиваться, достигнув в 1916 г. 76,2% против 74,2% в 1915 г. и 40,2% в 1914 г.

Надо сказать, что правительство не испытывало беспокойства по поводу потери 800 млн руб. доходов от продажи водки, полагая, что их легко можно заменить, напечатав на такую же или даже большую сумму кре-

дитных билетов. В 1812 г. еще была памятна гиперинфляция во Франции, от повторения которой предостерегал Н. С. Мордвинов, имелся и собственный печальный опыт 1808–1809 гг., который подсказывал, что чрезмерный выпуск бумажных денег грозит их резким обесценением и, соответственно, ростом цен. К 1914 г. об этом успели основательно забыть.

Между тем уже в 1915 г. имело место значительное повышение цен. Если их уровень на 1 июля 1914 г. принять за 100%, то на 1 января 1916 г. он составил 211%, а к 1 января 1917 г. увеличился до 336%¹⁸. Со второй половины 1916 г. развитие инфляционных процессов ускорилося, темпы роста цен на товары стали опережать темпы увеличения денежной массы. Кроме того, как свидетельствует отчет Государственного банка за 1916 г., появились первые признаки нарушения нормального хода денежного обращения. Крестьянство, не имея возможности приобрести необходимые для них промышленные товары, стало воздерживаться от реализации своей продукции. Другими словами, деньги, не находя производительного применения, стали закупоривать каналы обращения.

В то же время правительство так и не смогло привлечь избыточную ликвидность с рынка в облигации государственных долгосрочных займов. Хотя первый заем был объявлен еще 3 октября 1914 г., он составил всего 500 млн руб. по номиналу, от реализации которого поступило до конца года 441,8 млн руб.¹⁹ Правительство опасалось, что он не будет пользоваться спросом из-за отсутствия у населения свободных денежных средств. Между тем только из-за запрета на продажу спиртных напитков за вторую половину 1914 г. на руках должно было остаться не менее 400 млн руб.

В дальнейшем, о чем свидетельствовала динамика вкладов в коммерческих банках, количество денег у населения продолжало увеличиваться. В государственных сберегательных кассах на 1 января 1917 г. остаток средств в депозитах составлял 3890 млн руб., из которых 2205,5 млн руб. поступило за время войны. Всего же денежные вклады во всех кредитных и депозитных учреждениях России составили на 1 января 1917 г. 13673,5 млн руб., увеличившись за один только 1916 г. на 64,5%, или 5359,1 млн руб.²⁰

Тем не менее правительство продолжало крайне осторожно увеличивать сумму долгосрочных займов. В 1915 г. за их счет было привлечено 2,9 млрд руб., а в 1916 г. – 4,2 млрд руб. Таким образом, всего долгосрочные займы дали правительству 7,5 млрд руб., тогда как за счет выпуска краткосрочных обязательств оно получило 9,7 млрд руб.²¹

Не использовало правительство и другую возможность извлечь избыточную ликвидность. Несмотря на то, что о необходимости скорейшего введения подоходного налога министр финансов П. Л. Барк говорил еще

в начале 1914 г., в Государственной думе обсуждение соответствующего проекта закона началось только летом 1915 г. После его принятия думой, законопроект поступил в Государственный совет, который смог рассмотреть его лишь в феврале 1916 г. Наконец, 14 марта 1916 г. закон о подоходном налоге был принят и 6 апреля того же года утвержден Николаем II. Но вступление закона в силу было фактически отложено до января 1917 г. (с тем, чтобы Министерство финансов успело подготовить податных инспекторов), однако в феврале 1917 г. в России произошла революция. Разумеется, ни о каком подоходном налоге после этого речи уже не было.

События стали развиваться в точности по тому же сценарию, что и во Франции после революции конца XVIII в. Налоговые поступления упали, кредит доверия к Временному правительству был невелик, в результате чего ему не оставалось другого выбора, как запустить печатный станок. За первые восемь месяцев 1917 г. в обращение было выпущено кредитных билетов на сумму в 6,3 млрд руб., т.е. лишь немногим меньше, чем за все предшествовавшие 29 месяцев войны. Последствия такой политики не заставили себя ждать.

Надо признать, что в 1914–1917 гг. не одна Россия пыталась финансировать военные расходы за счет бумажно-денежной эмиссии. Но результат был везде примерно один и тот же. Фактически единственным исключением стала Великобритания, которая покрыла не менее 30% чрезвычайных издержек, вызванных Первой мировой войной, за счет налоговых поступлений. Если в начале войны доходы английского бюджета от подоходного налога составляли 44 млн фунтов стерлингов, то к 1918 г. они увеличились до 257 млн. При этом ставка налога выросла с 6 до 30%²².

Впервые налог на доходы был введен в Англии еще в 1799 г. У. Питом-младшим для финансирования расходов на войну с революционной Францией. Первоначально этот налог был крайне непопулярен, купцы и фабриканты старались уклониться от его уплаты, и после подписания Амьенского мира он был отменен. Однако с возобновлением войны с Наполеоном в 1803 г. английское правительство не замедлило вернуться к взиманию подоходного налога. Со временем он стал рассматриваться в качестве важного вклада в победу над Наполеоном, а его уплата воспринималась как патриотический долг.

В 1812 г. министр финансов Д. А. Гурьев пытался в значительной части учесть английский опыт. Он даже предлагал ввести и в России налог на доходы, чтобы покрыть ожидавшийся в этом году дефицит бюджета. Этот проект не получил поддержки в Департаменте государственной экономии, но Государственный совет все же одобрил новое повышение налогов,

а правительство не торопилось включать печатный станок, предпочитая призвать дворянство и прочие сословия делать пожертвования.

В 1914 г. министерство финансов, лишившись после введения «сухого закона» существенной части доходов, не смогло возместить их за счет других налогов. Имушие классы отнюдь не спешили пожертвовать на финансирование военных издержек. Не удалось правительству и в должной степени задействовать механизм привлечения долгосрочных займов. В результате основным источником финансирования военных расходов стала эмиссия Государственным банком кредитных билетов под обеспечение краткосрочных обязательств казначейства, что имело негативные последствия для экономики.

Подводя итоги и сравнивая финансовую политику в ходе двух Отечественных войн, мы можем лишний раз убедиться, что война требует чрезвычайных издержек, значительная часть которых должна быть оплачена в виде налогов (денежных или натуральных). Если же правительство по тем или иным причинам не имеет возможности существенно повысить налоги, а вместо этого прибегает к бумажно-денежной эмиссии, то результатом такой политики будет нарастание инфляционных процессов и в конечном итоге финансовый кризис.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее все даты приведены по старому стилю.

² Позднее, 27 июля 1914 г., он был одобрен Государственной думой и получил статус закона. Меры в области денежного обращения были согласованы с Францией, которая также 5 августа / 23 июля 1914 г. приостановила обмен бумажных денег на золото. В Англии обмен банкнот на золото во время войны не прекращался.

³ Архив графов Мордвиновых. СПб., 1902. Т. 4. С. 146–147; см. также с. XV–XVI.

⁴ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. первое. Т. XXXII: 1812–1815. СПб., 1830. С. 293–294.

⁵ Отчет за войну 1812–1815 г.: Управление генерал-интенданта Канкрин. Б. м, б. г. С. 170–171; ОПИ ГИМ. Ф. 190. Оп. 1. Д. 11. Л. 11об.

⁶ Кроме того, еще на 113,49 млн руб. краткосрочных обязательств Государственного казначейства было выпущено на внешнем рынке в Лондоне. Выручка от их реализации составила 82 млн руб. В дальнейшем внешние займы также осуществлялись за счет учета за границей краткосрочных обязательств казначейства.

⁷ Дементьев Г. Д. Государственные доходы и расходы России и положение Государственного казначейства за время войны с Германией и Австро-Венгрией до конца 1917 г. Пг., 1917. С. 12, 14, 19.

⁸ Клаус Р. Война и народное хозяйство, 1914–1917 гг. М.; Л., 1926. С. 16; Отчет Государственного банка за 1916 год. Пг., 1917. Расчеты автора.

⁹ Сборник русского исторического общества (далее – Сб. РИО). СПб., 1885, Т. 45. С. 467; Бржеский Н. К. Государственные долги России: Ист.-стат. исследование. СПб., 1884. С. 95.

¹⁰ Сб. РИО. С. 419–422, 446–450, 461–466. Расчеты автора.

¹¹ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива Собственной его императорского величества канцелярии. СПб., 1876. Вып. 1. С. 49–50.

¹² Дементьев Г. Д. Указ. соч. С. 5–6.

¹³ Барк П. Л. Воспоминания // Возрождение. П., 1965. № 157. С. 61–62.

¹⁴ Печерин Я. И. Исторический обзор росписей государственных доходов и расходов с 1803 по 1843 год включительно. СПб., 1896. С. 40.

¹⁵ Дементьев Г. Д. Указ. соч. С. 9.

¹⁶ Там же. С. 16–17.

¹⁷ Там же. С. 20.

¹⁸ Сенилов Б. В. Денежный кризис и расстройство валютной системы царской России во время мировой войны 1914–1918 гг. // Нумизматический альманах. 2000. № 4. <http://www.bonistikaweb.ru/NUMALMAN/4-2000-senilov.htm> [21/10/2014]

¹⁹ Дементьев Г. Д. Указ. соч. С. 12.

²⁰ Отчет Государственного банка за 1916 год. Пг., 1917. С. V–VI.

²¹ Дементьев Г. Д. Указ. соч. С. 12, 14, 19.

²² World War I and a new approach // <http://www.hmrc.gov.uk/history/taxhis4.htm> [21/10/2014]